

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-3-458-467

УДК 821.16.1

Научная статья

Художественное время московского текста Юрия Полякова

Н.Э. Ибадова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Аннотация. В статье исследуется поэтика воплощения образа Москвы в прозе выдающегося русского писателя современности Юрия Михайловича Полякова. Московский текст писателя-москвича анализируется в контексте изучения художественного времени. Присутствующий во всех произведениях Ю. Полякова образ Москвы многозначен, объемлен, представлен в разнообразных аспектах и соотнесен с конкретными эпохами. Характерными особенностями создания московского текста Полякова являются описательная рефлексия с опорой на мелкие детали и подробности, использование горизонтальных и вертикальных хронологических линий связи, ставится вопрос о том, насколько они способны сохранить распавшуюся было связь времен. Особое внимание уделяется изучению художественных приемов, при помощи которых писатель, мастер «гротескного реализма», сатирически изображает городские реалии. Прослежена динамика изменения облика столицы от Москвы советской через перестроечную к современному мегаполису, утрачивающему свою национальную идентичность.

Ключевые слова: Ю. Поляков, художественное время, московский текст, топос, художественное пространство, приметы времени, детали быта, сатира, любовь к городу

Введение

В творчестве Ю. Полякова существует неразрывная связь между историческим и внутренним временем персонажей, с одной стороны, и сюжетным местом, с другой. При довольно обширной географии произведений Москва занимает центральное место среди других городских образов и по праву является главной героиней его прозы. Через ее присутствие в произведениях писателя особенно проявляется автобиографическое начало.

Поляков – москвич, детство его прошло в коммуналке на Маросейке, он терпел вместе с родителями нужду, знаком со скудным бытом заводского обшечития, не понаслышке знает особую атмосферу московских 1960–1970-х гг. Время, совпавшее с детством и юностью писателя, во многом определило его творческую манеру, его приметы в том или ином виде проходят через все его творчество.

© Ибадова Н.Э., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

По словам главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева, Юрия Полякова отличает «особое ощущение русской действительности... Это ощущение настояно на запахе городской пыли, на пропитанной еле различимыми шорохами ночной московской тишине, на знаменитой московской рефлексии...» [1. С. 151].

«Московская идея» русской истории нашла свое отражение в русской литературе, постепенно создавая художественную традицию особого «московского» текста, в котором город выступает как самостоятельный образ, обязательно обладающий временными координатами.

Обсуждение

Ю. Поляков продолжил традицию «московского» текста в русской литературе, став непосредственным преемником «московских повестей» Ю.В. Трифонова. По словам М.М. Голубкова, московский текст «составляет основу всего творчества Юрия Полякова. Москва для него – это не просто топоним и логос, не просто город, формирующий все хронотопы его романов, повестей, рассказов; Москва формирует особые культурные коды, важные для понимания его текстов» [2. С. 71].

М.В. Бочкина находит в творчестве Ю. Полякова продолжение сатирических традиций М.А. Булгакова: «...как и классик XX в., Юрий Поляков воссоздает образ столицы и ее жителей как карнавальный и авантюрный мир, со своими нелепостями, курьезными случаями, не прибегая при этом к фантастическому вымыслу и мистификации. В гротескном изображении как апогей шутовства предстает и общественно-политическая жизнь, и частные судьбы, любовная линия, большая история и советская Москва» [3. С. 180].

Творчески переработав опыт литературы XIX–XX вв., Ю. Поляков создал свой особенный образ города: Москва Полякова – огромная, многомерная, многоплановая, многоликая, изобильная, величественная, проживающая насыщенную жизнь. Она прекрасна как женщина, она – мать городов русских, находящаяся под покровительством самой Богородицы. Оттого и героини Полякова красивы, нежны и в то же время сильны духом. Это они вдохновляют, побуждают героев совершать решительные поступки.

С большой любовью выписаны Поляковым московские девушки, нередко напоминающие весенние цветы, нежные и хрупкие, радующие взоры прохожих и украшающие любимый город: «нежные фиалковые глаза» [4. С. 322], «молодые незабудковые глаза» [5. С. 547].

Пейзажные московские зарисовки у Полякова проникнуты трепетом подлинной поэзии, благодаря чему создается эффект солнечного тепла и городских запахов: «На улице я зажмурился от солнца и вдохнул неизъяснимый воздух раннего московского лета, настоящий на свежей тополиной листве, выхлопных газах и сырых подвальных сквозняках» [6. С. 448].

Каждый временной период «московского» текста Полякова (например: 1960–1970-е гг.; 1980–1990-е гг.; начало XXI в.) имеет свои приметные детали. Одной из них стала советская коммуналка как социокультурный феномен исторического времени.

Описания коммунального быта присутствуют в детских воспоминаниях многих героев Полякова: Скорятина, Кокотова, Чистякова и др. Так, герой повести «Апофегей» Валера Чистяков до окончания школы жил с родителями и сестрой в пятнадцатиметровой комнате заводского общежития. И для себя он решил хорошо учиться, поступить в аспирантуру, стать доцентом. «Чистяков смутно чувствовал: тот факт, что смолоду ему приходилось стоять в очереди в уборную, дает ему некие, еще самому не понятные преимущества в борьбе за существование» [7. С. 40]. Он не хотел, чтобы «...первыми впечатлениями его сына стали длинный грязный коридор, вонючая кухня и коммунальный сортир» [7. С. 6]. Но несмотря на стесненные условия, люди в основном жили дружно, помогали, поддерживали друг друга.

Еще одна примета времени – «хрущевки», именуемые по фамилии одного из руководителей страны, пожелавшего экономично и быстро расселить московские коммуналки. Счастливые обладатели ключей от «сказочных» апартаментов, названных Ю. Поляковым «окраинной полунищетою», радовались не долго: «...я заглянул в глубь маленькой однокомнатной квартиры и увидел ту привычную бедность, которая копится всю жизнь, чтобы в конце концов прикинуться достатком» [6. С. 283].

Социальное расслоение советского общества наиболее очевидно проступало именно в рамках одного столичного пространства и поэтому также стало важной темой «московского» текста Ю. Полякова, получив сатирическую окраску. В описании квартиры Ласских, родителей жены Гены Скорятина из романа «Любовь в эпоху перемен», обращает на себя внимание абсурдное несоответствие между содержанием (предназначением объекта) и формой (его внутренним убранством), вызывающее авторскую иронию: «Огромная пятикомнатная квартира в Сивцевом Вражке напоминала музей после закрытия: старинные книги, картины, бронза, натертый дубовый паркет, громкие напольные часы – и никого» [8. С. 46].

В атмосфере недосыгаемой для простых людей роскоши и богатства, в центре города, жила московская элита, которую составляли государственные мужья, ученые, партийные и комсомольские работники, деятели культуры. Среди них обитали и персонажи повести «Апофегей», вызывающие чувство потрясения и презрения у главного героя Валеры Чистякова: «Жили Кутеповы в замечательном доме, сложенном из бежевой “кремлевки”, недалеко от стеклянных уступов проспекта Калинина, в трехкомнатной квартире с огромным холлом, двумя туалетами, большой розовой ванной и специальным темным помещением для собаки. В общежитии, где Валера провел детство, в таком помещении существовала целая семья» [7. С. 72].

В таких домах жила «золотая» молодежь, их тогда называли «блатняками». Веселые, беззаботные и надменные, они учились на престижных факультетах известных вузов и смотрели свысока на тех, кто не носил «вранглеры» и замшевые куртки. Все лето, пока Гена Скорятин, плохо одетый и глупо подстриженный, бегал почтовым курьером по всей Москве, его однокурсники загорали на курортах, курили импортные сигареты и пили дорогие вина в компании элитных проституток.

Важным художественным образом у Полякова является небо над Москвой, которое в зависимости от творческого замысла автора может приобретать разные символические смыслы, например, полета и падения. Понятие неба у Полякова амбивалентно: небо – рай для святых и небо для грешников – ад. В повести «Парижская любовь...» автор вложил в уста поэта-выпивохи стихи: «Мы с тобою – городские чайки, / Мы давно забыли запах моря, / Мы всю жизнь летаем над помойкой / И кричим с тоской: “Мы – чайки, чайки...”» [6. С. 215]. Тем самым Поляков заземляет образ полета и любви. В повести «Небо падших» заглавный образ приобретает аллегорический смысл современного грехопадения.

Соотношение горизонтального и вертикального планов делает не только образ города объемным. Благодаря этому приему Ю. Поляков динамично соединяет мир верха и низа в прямом и переносном смысле. По мнению А. Большаковой, в прозе Полякова «возникает образ подземной Москвы – ямы, дна как места обитания социально деклассированных и отверженных» [9. С. 415]. Многочисленные нищие в переходах и на вокзалах, бомжи, живущие в мусорных ящиках, цыгане, торгующие «дурыю», – тоже городские жители. «На свету форы к машине подошла прилично одетая нищенка с замызганным спящим младенцем на руках. Свирельников полез в карман, но тут к женщине подковылял инвалид и, подпрыгивая на единственной ноге, ловко огрел даму костылем по спине. Побирושка заверещала на всю улицу, а спавший младенец открыл мутные глаза и бессмысленно улыбнулся» [10. С. 105]. В этом эпизоде из «Грибного царя» Полякову удалось уместить сразу три трагедии: профессиональное нищенство, которое сродни актерству, унижение инвалида, мизерная пенсия которого вынуждает его заниматься попрошайничеством, и обреченность младенца, с ранних лет накачиваемого снотворным.

Детали московского быта в прозе Полякова, как правило, выполняют функцию сатирического изображения ушедшей советской эпохи. Авторская позиция при этом колеблется между иронично-веселой и интимно-горькой.

Так, тема коммунальной перенаселенности чаще всего раскрывается писателем, с одной стороны, через изображение комических ситуаций, а с другой – через личные драмы персонажей. Жившие в стесненных условиях москвичи, помимо прочего, терзались и «вечным вопросом влюбленного советского человека»: «Где?» [7. С. 29]. Приходилось довольствоваться временно пустующими квартирами знакомых, отправлять детей в кино, дав еще и денег на мороженое. Отец Володи Чистякова даже сломал фонарь, когда узнал, что сын читает по ночам под одеялом. И только много лет спустя сын понял, что «...чтением в двенадцатиметровой комнатке просто-напросто мешал родителям любить друг друга» [7. С. 67]. Маленького Башмакова бабушка брала к себе за ширму, но ребенок, «прислушиваясь к скрипу родительской кровати, объявлял, что хочет тоже с ними “бороться”» [4. С. 421].

Частная жизнь человека в ее интимной составляющей традиционно не изображалась советской литературой. Поляков берется за нее уважительно, не переступая моральных норм, уводя подробности в подтекст. Вот, к примеру, воспоминания героя-повествователя из романа «Козленок в молоке»: «...японскую шариковую ручку, которую подарил мне один соискатель; ему

моя мама печатала диссертацию. Кажется, у них что-то было... Во всяком случае, столько денег на кино и мороженое мне не давали ни до, ни после... Защитившись, соискатель исчез, уехал в свой город, а постоянные заказчики еще несколько месяцев интеллигентно удивлялись, что, такая обычно аккуратная и внимательная, мама сажает одну опечатку на другую» [6. С. 468]. Недосказанность истории, с одной стороны, банальной, с другой – драматичной, является важным штрихом к психологическому портрету времени. Читая, можно понять, насколько были стесненными жилищные условия простых москвичей, как стыдно было матери за допоздна засиживавшегося в их комнатухе аспиранта, как она долго не могла забыть его.

Прозе Полякова свойственна описательная рефлексия с опорой на мелкие детали и подробности. Описывая быт советских людей, он использует такое понятие, как «процветающая уравниловка» [8. С. 136]: «тогда все везде было одинаковое: мебель, пишущие машинки, портреты и вымпелы на стенах, костюмы и платья на чиновниках. Он вспомнил: однажды, после закрытой распродажи, устроенной в ГУМе для членов Союза журналистов, сразу три сотрудника пришли в редакцию в одинаковых клетчатых пиджаках» [8. С. 205]. Советские женщины как могли боролись с уравниловкой, по моделям из журналов «Работница» и «Крестьянка» шили и вязали одежду для своей семьи и «с памятливым презрением озирали наряды соперниц по борьбе с советским дефицитом» [8. С. 136].

Московские пробки, грязные подъезды с выбитыми стеклами, лифты, испещренные непристойными записями, сломанные, зловонные телефонные будки являются городскими реалиями. Поляков в тончайших деталях выписывает подмосковный гастроном, где Скорятин купил продукты для поминок отца: «В магазине было шаром покати. <...> По бетонной лестнице спустились в большой, как теннисный корт, подвал. Это была пещера продовольственного Али-Бабы! Ежась от холода, они шли вдоль многоярусных полок с невозможной жратвой. Сквозь пелену горя Гена видел банки с давно забытыми деликатесами – икрой, красной и черной, крабами, осетровым балыком, тресковой печенью, атлантической сельдью, макрелью и трепангами. По закуткам стояли корчаги маслин, оливок и корнишонов. С потолка копчеными сталактитами свисали колбасы, от пола росли штабеля сыра. В аккуратных коробах желтели гроздья бананов, местами уже почерневших, в ячеистых картонках покоились апельсины, груши, персики, из бумажных оберток торчали жесткие зеленные охвостья ананасов. Целый угол занимали коробки с пивом “пилзнер”. “Теперь понятно, почему наверху ни черта нет! – подумал спецкор и начал в мыслях сочинять фельетон “Подпольное изобилие”» [8. С. 457].

Московская топография – важный элемент создаваемого Ю. Поляковым в своих произведениях образа города. Арбат, Тверской бульвар, Плющиха, Патриаршие пруды, Пироговское водохранилище, набережная Яузы, Красная Пресня, Сокольники, Царицыно – наиболее колоритные московские адреса, выбор которых явно указывает на искреннюю привязанность автора к любимым местам. Городские реалии изящно вплетены в судьбы героев. Так, в Нескучном саду впервые объяснились Марина Ласская и Гена Скорятин,

в Марьиной роще проходили их свидания, а в Грибоедовском дворце бракосочетаний они соединились узами брака. В особняке на Зубовской площади располагалась редакция еженедельника «Мир и мы».

Герои Полякова, как и автор, любят свой родной город сыновней любовью. Чистяков до конца жизни помнил, как «мучительно медленно полз поезд последние сто километров, как они, собравшись в одном купе, пели “Дорогая моя столица, золотая моя Москва!”, как кричали “ура”, пересекая окружную дорогу, как вышли с чемоданами на площадь Белорусского вокзала и с ностальгическим умилением прочитали огромный плакат “Экономика должна быть экономной”» [7. С. 64].

Воспроизведение «московского» текста в его конкретном времени составляет одну из главных творческих задач Ю. Полякова. И здесь мелочей не должно быть. Для большинства персонажей из «верхней», успешной советской жизни немаловажную роль играет дачное пространство. Немало поэтических страниц прозы Полякова посвящено топосу «дача». Дача для героев Полякова – место покоя, уединения, ухода от городской суеты, воссоединения с матушкой-природой. «Теплая июльская темень пахла медом. Башмаков подумал, что хотел бы вечность провести так: стоять в ночном саду на тропинке, ведущей к дому, вдыхать всей грудью медовую темень и смотреть, как на освещенной веранде накрывают стол к вечернему чаю...» [4. С. 394]. Для персонажей поляковской прозы «дача» также и промежуточное психологическое состояние между столицей и провинцией.

Москва ранних повестей Полякова («Работа над ошибками», «Апофегей») спокойна, патриархальна. Автор показывает нам, как со временем меняется облик столицы. Москва расширяется: в романе «Замыслил я побег...» автор приводит типичную историю «подмосковной деревни, сожранной разбухающим городом» [4. С. 250]. По мнению писателя, Москва теряет свою самобытность: «все дома равны, как на подбор» [11. С. 77].

Со временем облик Москвы меняется: от советской к перестроечной, от нее к современному мегаполису, лишенному национальной идентичности и приобретающему общие для всех мировых городов такого типа черты. Непременными составляющими городских пейзажей становятся высотные здания. Изменения коснулись и жителей мегаполиса: «Народ стал нервным, драчливым» [8. С. 253]. На улицах города стали редко встречаться красивые женщины: «Одни красавицы уехали за обеспеченным счастьем в дальние страны, другие заселили телевизор, а третьи заточены теперь в подмосковных замках, окруженных трехметровыми заборами, и в город приезжают разве что в дорогих машинах с непроницаемыми стеклами» [12. С. 8].

Динамика стремительно меняющегося города передается Ю. Поляковым приемом деконструкции, когда «булочная вдруг превратилась в “Мир пылесосов”, кинотеатр “Прага” – в автосалон, “Союзрыбнадзор” – в фитнес-центр “Изаура”, а Дом пионеров имени Папанина – в варьете “Неглиже де Пари”» [13. С. 165].

Столица поражает обилием иномарок: «...теперь по столице косяками летали “мерседесы”, “ниссаны”, “ауди” и “БМВ”, в которых восседали неизвестно откуда вдруг возникшие крепкие парни с короткими стрижками и зо-

лотыми цепями на бычьих шеях» [4. С. 254]. Вета, любовница Башмакова, знакомя его со своими приятелями и коллегами, называла марку автомобиля, наивно полагая, что это дает вполне исчерпывающую информацию о хозяине.

Нынешние хозяева жизни, «новые русские», обосновались на Рублевке, захватили самые живописные места столицы и Подмосковья, где некогда были пионерские лагеря, санатории, дома отдыхов для трудящихся и ветеранов. О рейдерском захвате Дома ветеранов культуры «Ипокренино» Поляков поведал в трехчастном романе «Гипсовый трубач» (2012). «Кошмарик раз в год летает на сафари и бьет хищников беспощадно, не жалея на лицензии безумных денег. Свой рублевский дом он набил шкурами, рогами и бивнями, даже в мраморных сортирах можно напороться на клыкастую голову кабана с умными стеклянными глазами» [8. С. 133]. На Рублевке жила и Лидия Николаевна, героиня повести «Подземный художник».

Заключение

Включая Москву как самостоятельный художественный образ в свои произведения, Ю. Поляков показал ее в диалектическом развитии в пространстве и времени. Преображение города не всегда по душе писателю. Описываемые Поляковым изменения, произошедшие в Москве за сорок лет его творчества, убеждают нас в справедливости слов С. Ромашко: «...Всякий настоящий город – это еще и особая хронологическая конструкция, это ось, пронизывающая вращение времен, утверждающая город как бытие особого рода. На эту ось и наматывается пространственная структура, которую можно читать, словно годовые кольца на распиле древесного ствола. Устойчивость города во времени не только позволяет выстроить его особую топографию – благодаря ей и складывается городская среда, то самое с трудом поддающееся описанию, но вполне ощутимое настроение, которое присуще тому или иному городу, его атмосфера, его характер» [14. С. 8].

В отличие от негативного образа города с его дефицитом, очередями, убожеством жизни, представленного в произведениях конца XX – начала XXI в., Поляков со свойственным ему оптимизмом, сыновней любовью и нежной привязанностью к городу воспел ушедшую Москву. «О благословенные советские времена!» – в чувственном порыве восклицает герой романа «Веселая жизнь, или секс в СССР» [5. С. 430]. По произведениям Полякова можно подробно изучить не только топографию, но и психологию Москвы тех лет, ощутить быт ее жителей, увидеть такой, какой она уже никогда не будет.

Москва – одна из самых постоянных привязанностей героев произведений Ю. Полякова, которым, в принципе, не свойственны длительные переживания в «эпоху перемен». Полякову, а вместе с ним его читателям, удалось понять и по-настоящему сродниться со столицей. «И вновь спешу, прохожий парень, / Мечту небесную тая. / Я твой неведомый Гагарин, Москва, Вселенная моя!» [11. С. 273].

«Московский» текст Ю. Полякова проходит через все его творчество. Создавая этот образ, писатель стремился показать его в развитии на протяжении почти полувека. Для этого им используются горизонтальные и верти-

кальные хронологические связи. Горизонтальные дают представление о свойствах отдельных периодов внутри целой эпохи. Вертикальные связи показывают движение времени исторического и времени внутреннего, изменяющего не только черты города, но и поведение и чувства персонажей.

Список литературы

- [1] *Замиев М.М.* Московская вселенная Юрия Полякова // «Моя вселенная – Москва». Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание. – М.: Литературная газета; ИПО «У Никитских ворот», 2014. С. 151–166.
- [2] *Голубков М.М.* Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. 256 с.
- [3] *Бочкина М.В.* Константы художественного мира Юрия Полякова // Голубков М.М. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: АСТ, 2020. С. 158–175.
- [4] *Поляков Ю.М.* Замыслил я побег... М.: Молодая гвардия, 1999. 476 с.
- [5] *Поляков Ю.М.* Веселая жизнь, или секс в СССР. М.: АСТ, 2019. 576 с.
- [6] *Поляков Ю.М.* Козленок в молоке. М.: Молодая гвардия, 2002. 525 с.
- [7] *Поляков Ю.М.* Апофегей. Повесть и два эссе. М.: Литфонд РСФСР, 1990. 160 с.
- [8] *Поляков Ю.М.* Любовь в эпоху перемен. М.: АСТ, 2015. 512 с.
- [9] *Большакова А.Ю.* Небо падших в прозе Юрия Полякова // «Моя вселенная – Москва». Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание. – М.: Литературная газета; ИПО «У Никитских ворот», 2014. С. 387–417.
- [10] *Поляков Ю.М.* Грибной царь. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2006. 368 с.
- [11] *Поляков Ю.М.* Время прибытия. М.: АСТ, 2015. 672 с.
- [12] *Поляков Ю.М.* Плотские повести. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2003. 317 с.
- [13] *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубач: дубль два. М.: АСТ, 2010. 476 с.
- [14] *Ромашко С.А.* Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 97–108.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2020 г.

Для цитирования:

Ибадова Н.Э. Художественное время московского текста Юрия Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 458–467. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-458-467>

Сведения об авторе:

Ибадова Нармина Эльшад кызы, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: narmina.msu@mail.ru

The artistic time of the Moscow text by Yuri Polyakov

Narmina E. Ibadova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article explores the poetics of the image of Moscow in the prose of the outstanding Russian writer of modern times, Yuri Mikhailovich Polyakov. The Moscow text of the Muscovite writer is analyzed in the context of the study of artistic time. Present in all the works of Yu. Polyakov's image of Moscow is multi-valued, complex, presented in various aspects and correlated with specific epochs. The characteristic features of creating the Moscow text of Polyakov are descriptive reflection based on small details and details, the use of horizontal and vertical communication lines. Special attention is paid to the study of artistic techniques by which the writer, a master of “grotesque realism”, satirically depicts urban realities. The dynamics of changes in the appearance of the capital from Soviet Moscow through perestroika to a modern metropolis that is losing its national identity is traced.

Keywords: Yu. Polyakov, artistic time, Moscow text, topos, artistic space, signs of time, details of everyday life, satire, love for the city

References

- [1] Zamshev, M.M. (2014). *Moskovskaya vseennaya Yuriya Polyakova* [Yuri Polyakov's Moscow universe]. “*Moya vseennaya – Moskva*”. *Yurii Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika* [“*My universe – Moscow*”: *Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics*]: Jubilee edition (pp. 151–166). Moscow, Literaturnaya gazeta Publ., IPO “U Nikitskih vorot” Publ.
- [2] Golubkov, M.M. (2020). *Yurii Polyakov: Kontekst, podtekst, intertekst i drugie priklyucheniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: *Context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientists (and not so much) notes from one seminar*]. Moscow, AST Publ.
- [3] Bochkina, M.V. (2020). *Konstanty hudozhestvennogo mira Yuriya Polyakova (“Lyubov' v epohu peremen”)* [Constants of the artistic world of Yuri Polyakov (“Love in a time of change”). In M.M. Golubkov, *Yurij Polyakov: Kontekst, podtekst, intertekst i drugie priklyucheniya teksta. Uchenye (i ne ochen') zapiski odnogo seminara* [Yuri Polyakov: *Context, subtext, intertext and other adventures of the text. Scientific (and not so much) notes of one seminar*] (pp. 175–218). Moscow, AST Publ.
- [4] Polyakov, Yu.M. (1999). *Zamyslil ya pobeg... [I planned to escape...]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- [5] Polyakov, Yu.M. (2019). *Veselaya zhizn', ili seks v SSSR [Fun life, or sex in the USSR]*. Moscow, AST Publ.
- [6] Polyakov, Yu.M. (2002). *Kozlenok v moloke [Goatling in milk]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- [7] Polyakov, Yu.M. (1990). *Apofegei. Povest' i dva esse [Apofegei. A novel and two essays]*. Moscow, Litfond RSFSR Publ.
- [8] Polyakov, Yu.M. (2015). *Lyubov' v epokhu peremen [Love in an age of changes]*. Moscow, AST Publ.

- [9] Bolshakova, A.Yu. (2014). Nebo padshikh v proze Yuriya Polyakova [Sky of the fallen in prose by Yuri Polyakov]. “Moya vseennaya – Moskva”. *Yurii Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika* [“My universe – Moscow”: *Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics*]: Jubilee edition (pp. 387–417). Moscow, Literaturnaya qazeta Publ., IPO “U Nikitskikh vorot” Publ.
- [10] Polyakov, Yu.M. (2006). *Gribnoi tsar'* [Mushroom king]. Moscow, ROSMEN-PRESS Publ.
- [11] Polyakov, Yu.M. (2015). *Vremya pribytiya* [Arrival time]. Moscow, AST Publ.
- [12] Polyakov, Yu.M. (2003). *Plotskie povesti* [Carnal stories]. Moscow, ROSMEN-PRESS Publ.
- [13] Polyakov, Yu.M. (2010). *Gipsovyi trubach: Dubl' dva* [Gypsum trumpeter: Take two]. Moscow, AST Publ.
- [14] Romashko, S.A. (2002). Monument – souvenir – ulika: Vremennaya os' megapolisa [Monument – souvenir – evidence: The time axis of the metropolis]. *Logos*, (3–4), 97–108.

Article history:

Received: 1 July 2020

Revised: 10 July 2020

Accepted: 15 July 2020

For citation:

Ibadova, N.E. (2020). The artistic time of the Moscow text by Yuri Polyakov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(3), 458–467. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-458-467>

Bio note:

Narmina Elshad kzy Ibadova, Ph. D. student of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process of Lomonosov Moscow State University. E-mail: narmina.msu@mail.ru